

Путь из Западных Земель в Восточные оказался не таким уж долгим.

После многих дней изнурительного путешествия они наконец достигли границы. Перед ними выросли величественные городские ворота, олицетворяющие мощь и торжественное спокойствие Восточных Земель. Огромные створки из красновато-коричневого дерева стояли настежь. Здесь не было стражи — лишь нескончаемый людской поток, вливающийся в город и вытекающий из него. До слуха Цзянь Хуая доносились обрывки негромких разговоров, смех и гомон толпы.

Стоило миновать арку, как взору открылись изящные классические постройки, теснящиеся друг к другу и образующие причудливый, живописный узор городских улиц. Цзянь Хуай не мог оторвать взгляда от этой красоты.

Восточные Земли славились своим гостеприимством. Здесь, на перекрестке культур, процветало искусство. На улицах мелькали люди в самых невероятных нарядах: лица всех народов мира, десятки наречий, сливающихся в единый гул. И всё же это многоголосье ощущалось чем-то цельным. Никто не бросал косых взглядов на чужаков, не тыкал пальцем в представителей иных рас. Прохожие выглядели умиротворенными, мягко улыбались и смотрели расслабленно.

Цзянь Хуай почувствовал, как вечно натянутая струна в его душе внезапно ослабла. Он ожил, и в его потускневших от долгой дороги глазах отразилось великолепие старинной архитектуры.

Цзяи, сидевший рядом, осторожно коснулся его талии. Мужчина мягко провел пальцами по спине, и когда он случайно задел чувствительное место, Цзянь Хуай не сдержал тихого смешка. В этом звуке слышалась беспричинная, почти детская радость, но, осознав это, он тут же осекся. Подобная легкость была ему в новинку; он чувствовал себя неловко, почти растерянно.

Впервые в жизни он так отчетливо ощутил перемену в собственном настроении. Прежде такие эмоции были ему неведомы.

Счастье... Оно походило на крохотную птицу, поселившуюся в груди. Она трепетала, хлопала пушистыми крыльями, и когда их мягкие перышки касались самого сердца, в душе становилось щекотно. Цзянь Хуай против воли улыбнулся — робко и непривычно. Это было удивительное, ни с чем не сравнимое чувство.

Он не знал, как облечь этот восторг в слова, поэтому просто замороженно смотрел в окно на текущую мимо жизнь.

Цзяи крепко обхватил его за талию, прижался горячей грудью к спине и положил тяжелый подбородок на плечо. Мужчина выдохнул прямо в ухо Цзянь Хуая, заставляя того вздрогнуть. Темные пряди волос едва заметно затрепетали.

— Путь был долгим, но мы наконец в Восточных Землях. Ты устал? — нежно спросил Цзяи. — Тебе нравится здесь?

Цзянь Хуай промолчал, а мужчина продолжал, понизив голос до интимного шепота:

— Ты ведь с самого детства любил восточное искусство. Я годами собирал картины, на которые ты смотрел, и развешивал их в своей комнате. Покупал безделушки, к которым ты прикасался, и расставлял их так, чтобы всегда мог дотянуться. Глядя на них, я думал о тебе.

Он запечатлел поцелуй на макушке Цзянь Хуая.

— Ты всегда держался особняком, словно отгородившись от всего мира невидимой стеной. Но когда ты смотрел на коллекции из этих земель, в твоих глазах мелькало нечто живое. Я думал, ты хочешь владеть ими, но ты никогда ничего не покупал.

«Гордый и такой одинокий», — подумал Цзяи.

Цзянь Хуай всё так же не отвечал. Его внимание привлекла семейная пара: золотоволосые супруги проходили мимо экипажа, прижимая к себе двоих малышей. Они обменивались нежными поцелуями, то и дело ласково касались губами пухлых детских щек. Они с любовью смотрели друг на друга, создавая вокруг себя кокон абсолютного счастья.

Сладкий детский смех долетел до Цзянь Хуая, а когда семья скрылась из виду, в душе его внезапно образовалась пустота. Тот мимолетный, тайный восторг бесследно исчез, уступив место привычному смятению.

Цзяи был слишком проницателен. Он слишком хорошо его знал.

Цзянь Хуай признался себе: он действительно всю жизнь был лишь сторонним наблюдателем. Раньше он жаждал лишь одного — навсегда раствориться в этом фальшивом мире, исчезнуть без следа. Но теперь в нем робко теплилась иная надежда. Надежда на то, что кто-то крепко сожмет его ладонь, согреет своим жаром и выведет из ледяного оцепенения к свету прежних, чистых времен.

Он думал, что всё, до чего он может дотянуться — лишь призрачная пустота. Он и не подозревал, что когда-нибудь научится желать. Желать, чтобы в ответ на его жест кто-то переплел свои пальцы с его в замок.

Он почувствовал, как сердце, когда-то замершее в беспросветной тьме, внезапно забилося ради этого мужчины. Но эта перемена пугала Цзянь Хуая до дрожи. Он боялся признаться даже самому себе, как сильно он хочет, чтобы Цзяи вытянул его из бескрайней пустоты в свои объятия.

Цзяи не обидело молчание. Он провел рукой по волосам Цзянь Хуая, а затем накрыл его бледные пальцы широкой ладонью, принимаясь медленно поглаживать их.

Внезапно Цзяи извлек откуда-то кольцо и быстрым, уверенным движением надел его на указательный палец Цзянь Хуая. Это был массивный золотой перстень. На самом обруче были вырезаны изящные, но незнакомые символы, а в центре, в тяжелой оправе, сиял золотистый янтарь. Украшение выглядело таинственным и баснословно дорогим.

— Никогда его не снимай, — прошептал Цзяи, слегка сжав его палец.

Цзянь Хуаю показалось, что его окутало пламя. Мужчина обжигал шею дыханием, а на плечо лег легкий, словно касание пера, поцелуй.

Цзянь Хуай поднял руку к окну. Солнечные лучи просачивались сквозь пальцы, заставляя его ледяной взгляд оттаять, а глаза — наполниться теплым сиянием. В глубине янтаря, пронизанного светом, проступили едва заметные алые прожилки, причудливо переплетающиеся с золотом.

От кольца исходил едва уловимый, изысканный аромат. Он дарил покой и странное чувство защищенности.

— У меня такое чувство, — вдруг тихо произнес Цзянь Хуай, — что всё это — лишь морок. Что бы я ни обрел, в конце концов я это потеряю. Всё, что жизнь дает мне взамен, она заберет с процентами. Те, кто встретит меня, познают лишь горе.

Он медленно повернул голову к Цзяи, вглядываясь в его лицо:

— А те, кто клянется мне в любви, в итоге обязательно предадут.

В пограничном городе они задержались на несколько дней, остановившись в уютном постоялом дворе.

Люди Цзяи больше не таились в тенях. Теперь они действовали открыто, беря на себя все заботы о господине и его спутнике. Цзяи пытался сослаться на вопросы безопасности, чтобы остаться вместе, но Цзянь Хуай настоял на разных комнатах. Цзянь Хуай был непреклонен.

В сопровождении юного слуги Цзянь Хуай вошел в свои покои. Отпустив мальчика легким жестом, он принялся осматривать комнату. Здесь всё дышало восточным колоритом: изящные дверные проемы, искусная резьба на оконных рамах, изображающая птиц с цветами в клювах. Кровать под балдахин из белоснежного шелка манила уютом; легкий ветерок колыхал занавеси, а нити бус по бокам мелодично позвякивали. В воздухе плыл тонкий, чистый аромат

сандала.

Цзяи, проигнорировав собственную комнату, вошел следом за Цзянь Хуаем, словно тень.

Цзянь Хуай опустился на резной стул у круглого стола и потянулся к фарфоровому чайнику. Струя чая потекла в миниатюрную пиалу.

— Аромат восточного чая совсем не похож на наш, западный, — он поднес чашку к лицу, вдыхая пар, а затем сделал крохотный глоток. — У него удивительное, сладкое послевкусие.

— И ты даже не предложишь мне чашечку? — в голосе Цзяи слышалось глухое раздражение из-за недавнего отказа в совместном проживании.

Он бесцеремонно забрал пиалу из рук Цзянь Хуая.

— И правда, неплохо, — он осушил её одним глотком, тут же наполнил снова и поставил перед Цзянь Хуаем.

Тот посмотрел на чашку, затем перевел взгляд на мужчину. Цзяи смотрел на него с таким напряженным ожиданием, что Цзянь Хуай послушно выпил чай прямо из его рук.

— Можешь не доверять мне, это неважно, — Цзяи смягчился, он слабо улыбнулся. — Я обещал стать твоим псом и буду им до конца жизни. Ты меня не прогонишь.

В его обычно холодном зеленом взгляде отражался лишь один человек.

Цзянь Хуай промолчал. Он лениво коснулся ладонью головы Цзяи, потрепав его по волосам, и ровно произнес:

— Скоро я выйду прогуляться. Не смей за мной идти.

Он убрал руку и кивнул на дверь:

— Я видел, как ты перемигивался со своими людьми. Иди и занимайся делом.

Цзянь Хуай в одиночестве шел по оживленной улице.

Торговцы наперебой расхваливали свой товар. Несмотря на разницу в государственном

устройстве, торговля между Востоком и Западом процветала, во многом благодаря общему языку. И хотя акценты различались, Цзянь Хуай понимал каждого.

— Господин, вы ведь с Запада? — зазывал улыбчивый лавочник. — Взгляните на нашу вышивку! Такого вы у себя точно не найдете.

Цзянь Хуай из любопытства подошел ближе. Он взял в руки расшитый шелковый мешочек — пара уток-мандаринок на нем казалась почти живой. Отложив его, он заметил черный кошелек с изображением ночного соловья с розой в клюве.

Рассматривая вещь, он краем глаза заметил тень, метнувшуюся в толпе.

«Цыкнул», — Цзянь Хуай ощутил укол раздражения.

— Беру этот кошелек, — сказал он продавцу. — И подскажи-ка, любезный, где здесь можно купить хороший табак?

Лавочник так и расцвел в улыбке, забирая монеты:

— Да лавок тут пруд пруди на любой вкус! И наш табак есть, и ваш, заморский. Вам какой надобно?

— Говорят, крупнейший табачный торговец — Лувандэ? У них есть здесь филиал? — как бы между прочим спросил Цзянь Хуай.

— А как же! — закивал торговец. — С этой лавки их дело и пошло. Вон там, дальше по улице, пять домов подряд — всё их владения. Поговаривают, сам хозяин — делец из ваших краев.

Узнав дорогу, Цзянь Хуай прикупил еще нитку бус и скрылся в толпе. Вещи он рассовал по карманам — на нем была новая одежда, подготовленная Цзяи. По фасону она почти не отличалась от тех нарядов, что когда-то покупала ему госпожа Лилиан.

Вчера, в покое на постоялом дворе, Цзянь Хуай принимал ванну. Горячая вода приятно обволакивала тело, пар наполнял комнату, и усталость последних дней навалилась свинцовой тяжестью. Он откинул голову на край кадки, прикрыв глаза.

Цзяи вошел бесшумно, повесил одежду на ширму и зашел за спину Цзянь Хуая. Он принялся втирать мыло в волосы сильными пальцами, массируя кожу головы, а затем стал бережно смывать пену, вымывая заодно и темную краску.

— В Восточных Землях можно не опасаться погони. Тебе больше не нужно прятаться под личиной.

Цзянь Хуай что-то невнятно пробормотал в ответ. Когда вода начала остывать, он открыл глаза. Цзяи сидел рядом на корточках, пристально и жадно глядя на него.

После купания Цзянь Хуай вышел из воды прямо под прицелом этого обжигающего взгляда. Он был совершенно наг, но не выказывал ни капли смущения, словно не замечая, как Цзяи смотрит на него — будто хищник на добычу. Мужчина взял чистое полотенце и принялся насухо вытирать его тело, порой намеренно задерживая ладони на гладкой коже.

Цзянь Хуай нахмурился и перехватил его запястье:

— Мне нужно выйти. Не начинай.

Цзяи негромко рассмеялся:

— Хорошо.

Он поднес ладонь Цзянь Хуая к губам, запечатлел поцелуй и с подчеркнутым рвением принялся помогать ему одеваться. Когда он застегивал на нем пуговицы жилета, Цзянь Хуай смотрел на его склоненную голову с копной каштановых волос и чувствовал странную отрешенность.

Этот костюм был точной копией того, что он носил дома, на Западе. В памяти всплыл тот вечер — прием в честь Кунтина, ставшего главой рода Эдгар.

Словно прочитав его мысли, Цзяи произнес, не поднимая головы:

— Изящный, безупречный и такой холодный... В тот вечер ты был центром мироздания. Кунтин пожирал тебя глазами, надеясь на чудо. У него никогда не было шанса, и за свои дерзкие мечты он заплатит сполна.

Он застегнул последнюю пуговицу и выпрямился. Цзяи был заметно выше и шире в плечах; его мощная фигура всегда казалась слишком тесной для любой одежды, а аура подавляла всякого, кто оказывался рядом.

Стоя вплотную, он буквально окутал Цзянь Хуая своей аурой. Он коснулся его лица горячим дыханием, а следом обрушился влажный, требовательный поцелуй — с привкусом обладания и яростной нежности. Цзяи целовал его, не зная преград, пока колени Цзянь Хуая не подогнулись. Тогда он обхватил его за талию, притягивая еще ближе, вжимая в себя с какой-то отчаянной силой.

Эта бешеная собака, Цзяи, в своей страсти уподоблялась мифическому Таоте — он был ненасытен и свиреп, готовый смаковать каждый дюйм кожи своего хозяина, вплоть до кончиков пальцев.

Вскоре в комнате поплыл тот самый дурманящий аромат, а глухое, звериное рычание заглушило едва слышные стоны.

В итоге новый костюм превратился в грудку тряпья.

Когда страсть улеглась и Цзяи едва не вылетел из постели, получив чувствительный пинок, он лишь рассмеялся. Притащив новый комплект одежды, он снова забрался под одеяло и прижал к себе полусонного Цзянь Хуая. Мужчина ласково перебирал его волосы, вновь ставшие черными, и негромко напевал какую-то мелодию, баюкая его, точно дитя.

<http://bllate.org/book/17462/1693833>